Някрошюс Эймунтас 03.10.06

«Фауст» Эймунтаса Някрошюса на фестивале «Балтийский дом»

«Жизнь до основы вся без завес»

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ / САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Фестиваль «Балтийский дом» проходит в Питере уже шестнадцатую осень подряд. Усердно прорубая окно в театральную Европу, за эти полтора десятилетия он открыл России целую россыпь режиссерских имен, за что честь ему и хвала. Но у многих фестиваль «Балтийский дом» ассоциируется в первую очередь с именем Эймунтаса Някрошюса и возможностью раньше всех в России увидеть новый спектакль литовского гения. Не изменив своим привычкам, Някрошюс и на этот раз показал свеженспеченного, еще не обкатанного «Фауста» именно питерской публике.

«Эскиз спектакля», — было приписано на фестивальной афише «Фауста». В беседе с корреспондентом «Газеты» режиссер объяснил, что сразу после Питера он уедет в Вильнюс и продолжит репетиции, готовя спектакль к итальянской премьере. «Многие сцены, — говорит Някрошюс, — еще толком не отшлифованы». Кроме того, в «Фаусте», по его признанию, пока что не поставлен финал, и четырехчасовой спектакль оборвался в Петербурге скорее многоточием, чем точкой. В Москву на фестиваль Международного фонда К.С. Станиславского «Фауст» попадет к ноябрю уже в завершенном виде. Но даже сейчас, посмотрев сценический эскиз, можно утверждать: этому «Фаусту» суждено войти в историю мирового театра вместе с другими шедеврами Эймунтаса Някрошюса.

«Фауст» напоминает одновременно и о шекспировской трилогии Някрошюса («Гамлет», «Макбет», «Отелло»), вышедшей в 1990-е годы, и о поэтических спектаклях 2000-х годов — «Времена года Донелайтиса», «Песнь песней». С «Фаустом» поэт Някрошюс обращается не как с пьесой, а как с чистой поэзией, и сам Фауст — это истинно лирический герой. За ненадобностью упразднены почти все многочисленные персонажи Гете, с лица земли стерт ввиду его эфемерности средневековый город со всеми обитателями.

Все, что есть в спектакле, — это одинокий человек, навеки заключенный в магический круг, и голоса, то и дело возникающие в его сознании. Такие же голоса подстрекали Макбета и тихонько звали из горних сфер Гамлета. И не все ли равно, заключен человек в начерченную вокруг себя пентаграмму, как Фауст, в квадрат, как зек из легендарного спектакля Някрошюса «Квадрат», или в круг под плавящейся ледяной люстрой, как Гамлет? Голоса божеские и дьявольские непрестанно звучат в сознании героя — то искушают, то наставляют, то манят к вечной женственности. Някрошюс безжалостно вырезает все жанровые сценки, обычно столь любимые театром, но оставляет Фаусту все монологи — его то ли молитвы, то ли проклятия небу. И Бог, и Мефистофель, и духи, и даже Гретхен — все они лишь часть той силы, что сосредоточена внутри Фауста.

Фауста играет Владас Багдонас — умный и чуткий актер (играл Отца Гамлета, Отелло, Тузенбаха, Сальери), сумевший сделаться воплощением особого някрошюсовского стиля. «Блажен, кто вырваться на свет / Надеется из лжи окружной. / В том, что известно, пользы нет, / Одно неведомое нужно», — скажет Фауст, блуждая по своей комнате и слепо шаря выставленными вперед руками. А где-то за сценой непрестанно звучит печальная музыка Фаустаса Латенаса. Однажды в кромешную черноту, где существует гетевский герой, равно как и каждый из нас, влетит что-то вроде шаровой молнии: Някрошюс просто запустит на сцену яркую круглую лампу, которая будет повсюду преследовать Фауста, зовя его к общению с миром духов, к иной, неведомой жизни. А потом на сцену выйдут люди и превратятся в раскачивающиеся («динь-дон! динь-дон!» — запоют все) колокола. Вырваться на свет «из лжи окружной» призовет Фауста пасхальный хор: «Пасха Христова / с нами, и снова / жизнь до основы / вся без завес».

Смысл «Фауста» Някрошюс сводит к предельно простой формуле, заключенной в молитве «Отче наш»: «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Вещественной аллегорией искушения станет огромная сахарная косточка во всю ширину сцены — в нее будет впиваться зубами пудель-Мефистофель, на ней в какой-то момент окажется Маргарита (Элжбиета Латенайте). Создана ли эта Маргарита из плоти и крови или она тоже только видение Фауста? Или, может, она, словно в «Солярисе» Станислава Лема, рождена из некоего мыслящего океана, из мятущегося сознания героя? Как всякий истинный шедевр, «Фауст» Някрошюса не даст четких ответов на эти вопросы. Но одно можно утверждать точно: этот «Фауст» — идеальный образец поэтического театра. «В начале было слово» — это о нем. ГАЗЕТА

ФОТО: ДМИТРИЙ МАТВЕЕВ

В СПЕКТАКЛЕ НЯКРОШЮСА «ФАУСТ» ЛАМПА ПРЕСЛЕДУЕТ ГЕРОЯ И ЗОВЕТ К ИНОЙ ЖИЗНИ

244